

материальное наследие человечества. Эти материалы необходимо сохранять, интерпретировать и разрабатывать силами профессионалов, обладающих глубоким пониманием их культурного значения.

В целях глобального улучшения использования полученных знаний, участники 24-го Международного конгресса по истории науки, техники и медицины, проходившего в июле 2013 года в г. Манчестер (Великобритания), заявляют следующее:

1. История науки, техники и медицины должна получать поддержку,

а также постоянное и регулярное финансирование со стороны государства и частных организаций для обеспечения того, чтобы новые поколения имели представление о научном, техническом и медицинском наследии в изложении историков, получивших соответствующее образование.

2. История науки, техники и медицины заслуживает включения в программу обучения в старших классах средней школы, колледжах и университетах с учетом местных и национальных традиций.

В. П. Борисов

Круглый стол «Науковедение и социальная история науки: существуют ли точки соприкосновения?»

21 мая 2013 г. в ИИНТ РАН в рамках XIX Годишной научной конференции института Центром истории организации науки и науковедения был организован круглый стол для обсуждения темы «Науковедение и социальная история науки: существуют ли точки соприкосновения?». Заседание открылось докладами руководителя центра А. Г. Аллахвердяна «Структура и задачи науковедения» и И. Е. Сироткиной «Что такое «социальная история науки»?». Затем состоялась оживленная дискуссия по обозначенным докладчиками темам.

Аллахвердян в своем докладе отметил, что возникновение в 60-е годы XX в. новой дисциплины – науковедения – было социально обусловлено бурным развитием науки в этот период, что вызвало необходимость ее специального изучения в целях более эффективного управления научными исследованиями. Докладчик подчеркнул междисциплинарный характер науковедения, которое включает в себя социологию науки, экономику науки,

организацию науки, психологию науки и др. Он указал на особую роль социологии науки как составляющей науковедения и отметил значимость таких социологических показателей состояния науки, как структура и динамика научных кадров, научных коммуникаций, незримых колледжей, научных школ, финансирования сферы науки, индикаторов престижа труда ученых, притока молодежи в науку и пр., анализ которых проводится начиная с 60-х гг. прошлого века по сей день.

Сироткина рассказала о развитии социальной истории науки, проследив ее от доклада нашего соотечественника Б. М. Гессена на II Международном конгрессе по истории науки (1931, Лондон), в котором он показал влияние социальных (точнее, экономических) факторов на развитие науки, до «сильной программы» социологии знания. Она квалифицировала социологию науки как *исследовательскую программу*, т. е. как определенный подход к решению

проблем в истории науки, суть которого составляет утверждение о социальной детерминации знания (в противовес интерналистскому подходу, сторонники которого считают, что развитие науки определяется только логикой развития знания). Науковедение же, с ее точки зрения, представляет собой *коллекторскую программу* (термин М. А. Розова), которая производит накопление знания, его систематизацию и классификацию. Еще одним отличием социальной истории науки от науковедения, по мнению докладчика, является то, что социальная история не стремится к институционализации в качестве самостоятельной дисциплины, а существует в рамках истории науки. В выступлении было высказано предположение, что в нашей стране науковедение в какой-то момент заменило социальную историю, которой у нас, в отличие от Запада, не было. Сироткина рассматривает науковедение как бюрократический проект, который не известно, нужно ли продолжать.

При обсуждении докладов Алахвердян выступил с возражением против последнего тезиса своего содокладчика, отметив, что в эпоху, когда наука стала «массовой», встала проблема управления наукой, чего не было в эпоху ученых-одиночек, поэтому данный «бюрократический проект» будет востребован, пока будет «массовая наука». «Я сейчас слушаю споры между Минобрнаукой и Академией наук и вижу, что им просто не хватает науковедческих знаний в этом вопросе», – заключил он. На вопрос А. Н. Родного «А как насчет самоорганизации науки?» Алахвердян ответил, что самоорганизация науки не отменяет исследований науки, а кроме того, науковедческие

данные будут представлять интерес в качестве базы данных для историков науки следующих поколений.

Г. Г. Дюментон поддержал идею самоорганизации науки и сослался на свое многолетнее исследование-мониторинг академических институтов, материалы которого свидетельствуют о самоорганизации ученых в виде неформальных групп, которые затем довольно часто получают формальной статус, при этом Министерство науки никак в данном процессе не участвует. Он обратил внимание и на тот факт, что возникновению науковедения предшествовало бурное развитие наукометрии, интегрировавшей в себя статистику науки. Дюментон указал, что наукометрия во многом и спровоцировала возникновение науковедения как дисциплины, и отметил, что благодаря работам В. В. Налимова и его единомышленников (напомню, что Налимов проводил специальный семинар по наукометрии в ИИЕТ) в СССР наукометрические исследования в то время не уступали работам западных коллег.

К. О. Россияновым был задан вопрос о том, входит ли философия науки в науковедение? Алахвердян ответил, что философия науки шире, чем науковедение. Что же касается науковедения, то есть широкое и узкое его понимание. В узком понимании науковедения, которое было предложено С. Р. Микулинским в 1982 г. в статье «Еще раз о предмете науковедения», в него входят социология, экономика, организация, психология науки и общее науковедение. Но поскольку Микулинский сам был историком науки, он не мог первоначально не включить историю и логику науки в науковедение. В первой своей статье (1966 г., совместно с Н. И. Родным) Микулинский включал в науко-

ведение историю и логику науки, но потом вывел их из его состава, считая, что науковедение должно заниматься современным состоянием науки и эту задачу выполняет прежде всего социология науки. Докладчик разделяет эту точку зрения и считает, что науковедение не должно включать в себя философию науки, но должно изучать современные проблемы науки.

Е. А. Желтова обратила внимание на то, что изменения в понимании предмета науковедения Микулинским в 1982 г., когда на передний план была выдвинута деятельностная сторона науки, совпали с изменениями, которые начали происходить в нашем обществе, и что, возможно, это – связанные вещи.

Н. Л. Гиндилис отметила, что с ее точки зрения, говоря об изучении науки, нельзя отрывать деятельностную сторону науки от содержательной стороны. Изучение науки как социального института с целью оптимизации организации науки должно происходить во взаимодействии с изучением изменения характера научного знания. Так, дисциплинарная наука XIX – начала XX в. предполагала одни организационные формы, междисциплинарные исследования второй половины XX в., эпохи научно-технической революции, вышли за рамки исследовательских лабораторий и потребовали новых организационных форм, таких, например, как НПО. Современная наука, превратившись в технонауку, предполагает не только иные формы организации (как, например, международные научные проекты и программы), но и поколебала прежние «мертоновские» нормы научной этики. Это свидетельствует о том, что содержательная

сторона науки определяет не только организационную структуру науки, но и не является нейтральной по отношению к ее социальной составляющей. Она обратила внимание на то, что в первой статье Микулинского и Родного 1966 г., манифестировавшей институционализацию науковедения в СССР, в качестве основы науковедения не случайно выдвигались история науки и логика науки. Последняя на базе историко-научного материала была призвана выявить закономерности развития науки, что должно было стать фундаментом для эффективной организации научных исследований. Позднее Н.И. Родный в статье «История науки, науковедение, наука» (1972) вывел историю науки из науковедения, оставив в его составе логику науки. По предположению выступавшей, для Родного как историка науки эта дисциплина была самоценна, и он боялся, чтобы она не превратилась в «служанку» науковедения. Позднее Э. М. Мирский в книге «Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки», ссылаясь на Родного, писал о необходимости создания нейтральной базы историко-научных фактов (поскольку в интерпретации любого историка науки эти факты теряют свою «нейтральность»). В статье 1982 г. «Еще раз о структуре науковедения» Микулинский вывел из науковедения не только историю науки, но и логику науки. По мнению Гиндилис, он исходил из других, нежели Родный, мотивов: как главный идеолог науковедения он перенес акцент с изучения закономерностей развития науки (содержательный аспект) на изучение ее деятельностной стороны.

И. В. Шульгина высказалась о необходимости определить структуру науковедения. Она подразделила науковедение на теоретическое и прикладное и отметила, что развитие прикладного науковедения (методы которого пришли к нам с Запада) определяется социальным заказом. Так, бум науковедения в 1960-е гг. был опосредован подъемом самих научных исследований: запуск спутника, ядерный ледокол «Ленин», атомные станции и т. д. – науку любили, и ученые платили хорошую зарплату. Науковеды получали задания от ЦК КПСС дать те или иные рекомендации, и целые сектора «строчили» аналитические записки. Но политика партии расходилась с результатами науковедов, и их просто игнорировали. Сейчас ситуация другая – наука в упадке и науковедение практически умерло.

На вопрос Россиянова о существовании какого-либо аналога науковедения на Западе были названы менеджмент науки и социальные исследования науки (*social studies of science*).

Желтова задала вопрос о том, кто является потребителем результатов науковедческих исследований, т. е. кто читает и интересуется науковедческими работами? И получив ответ, что таким потребителем являются прежде всего органы управления наукой, возразила, что они-то и не читают. Аллахвердян опроверг это мнение, отметив, что важно не только читать, но и правильно понимать прочитанное, делая соответствующие выводы и принимая практические шаги. Эмпирические науковедческие исследования затрагивают острые вопросы науки: зарплату, положение молодежи и т. д. Задача науковедов – квалифицированно провести иссле-

дование, а воспользуются ли им – другое дело.

Дальнейшее обсуждение перетекло из русла структуры и проблем науковедения в русло соотношения социальной истории науки и науковедения. Сироткина провела параллель между историей литературы и литературоведением и историей науки и науковедением. История, в частности, социальная история науки изучает прошлое. Ведение науки, искусства, литературы относятся к современному состоянию дисциплины. Так, науковедение изучает современную науку. Она обратила внимание на еще одно различие, которое предложил поэт Велимир Хлебников: помимо языковедения ввести языковедство. Науковедение, по ее мнению, пытается совместить две функции: «ведение» и «водство» – оно хочет и изучать науку, и давать рекомендации властям, как надо ее развивать. Отвечая на вопрос Желтовой о том, кто является потребителями исследований по социальной истории, Сироткина обозначила, что социальная история науки адресована образованной публике, широкой аудитории образованных читателей, при этом она несет еще и моральный *message*. Последнее можно найти, например, в работах Л. Грэхэма, в частности, в отношении «советского эксперимента» с наукой. Он иллюстрирует, что наука тесно связана с обществом и с жизнью каждого человека (например, создание атомной бомбы) и показывает, что история науки и история общества переплетены друг с другом. «Уроки» социальной истории науки состоят в том, что общество не должно дать науке увянуть, а наука – не давать обществу таких «игрушек», как атомная бомба.

Еще один поворот темы науковедения и социальная история науки предложил Россиянов. Он напомнил, как на одной из конференций в 1980-е гг. С. Г. Кара-Мурзу, который тогда занимался вопросами науковедения, спросили, почему нельзя полагаться на самоорганизацию науки, спонтанный ход ее развития, а надо проводить специальные науковедческие исследования. На что он ответил, что поскольку наша наука отстала, необходимы оптимальные модели ее организации, а значит, нам нужны исследования, способствующие ее продвижению вперед. Россиянов указал на то, что выбор модели проходит под влиянием разных факторов, которые и анализируются в работах по социальной истории науки. Таким образом, социальная история науки может быть полезна для анализа тех разнообразных обстоятельств, которые влияли на выбор той или другой модели. Нет единого для всех стран и эпох рецепта. Социальная история науки дает материал для анализа того, что нам может быть нужно. Эта точка зрения была подхвачена Аллаhverдяном, который обратил внимание на то, что надо понять, какие мы можем извлечь уроки из социальной истории науки для современной науки. В этом

смысле и интересно взаимодействие социальной истории и науковедения.

Сомнения в целесообразности разделения истории науки на социальную и когнитивную были высказаны А.Н. Родным, напомнившим, что институционализация истории науки началась с Дж. Сартона, для которого когнитивный и социальный аспекты истории науки были нераздельны и которого трудно отнести к какому-либо направлению. Так же друг и коллега Сартона Р. Мертон, которого принято считать одним из основоположников социологии науки, не рассматривал себя в качестве социального историка науки – его первая работа была по истории науки, истории промышленности. «Социальные и когнитивные аспекты истории науки тесно переплетены, и надо ли их разделять», – размышлял Родный. Он заметил, что себя самого считает просто историком науки, хотя постоянно занимается социальными проблемами науки.

Дискуссия по обозначенной теме, длившаяся более двух часов, продемонстрировала разнообразие точек зрения и живой интерес к методологическим проблемам истории науки и науковедения.

Н. Л. Гиндилис

Академик А. С. Лаппо-Данилевский: итоги юбилея *

В 2013 г. отмечался 150-летний юбилей со дня рождения академика Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919), одного из крупнейших русских историков и организаторов науки рубежа XIX–XX вв. Ему принадлежат работы по русской

истории XVII–XVIII вв., по сфрагистике, историографии и дипломатике (он по праву считается основателем русской школы дипломатики). Вместе с тем Лаппо-Данилевский был и видным теоретиком и методологом истории, пытавшимся создать целостную «теорию обществознания».

Памятную дату отмечали на родине ученого (Украина), в Москве и

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 13-03-00301.